

BAUM PATROB

ВОЙНЫ НАЧИНАЮТ НЕУДАЧНИКИ
КОМАНДОР ВОЙНЫ

АТАКА ПО ПРАВИЛАМ
ВСЕ ОТТЕНКИ ЧЕРНОГО

И В АДУ ЕСТЬ ГЕРОИ
НАЛОЖНИЦЫ НЕНАВИСТИ

КУКОЛКА ПОСЛЕДНЕЙ НАДЕЖДЫ
ТЕНЬ ИНКВИЗИТОРА

КАФЕДРА СТРАННИКОВ
КОРОЛЕВСКИЙ КРЕСТ

ЦАРЬ ГОРЫ
ДЕНЬ ДРАКОНА

ЗАПАХ СТРАХА
РЕБУС ГАЛЛА

ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ
В КРУГЕ ВРЕМЕН

ДИКИЕ ПЕРСЫ
ЗЕЛЕНЬ ГАМБИТ

ПОЦЕЛУЙ УРОБОРОСА
НАСЛЕДИЕ ВЕЛИКАНОВ

Вадим Панов

ТАЙНЫЙ ГОРОД

Атака
По правилам

Все оттенки
Черного

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П16

Разработка серийного оформления *О. Симоненкова*

Панов, Вадим Юрьевич.

П16 Атака по правилам. Все оттенки черного / Вадим Панов. — Москва : Эксмо, 2018. — 704 с.

ISBN 978-5-04-098739-9

Все нити сложной интриги, ведущие к комиссару Темного Двора, стянуты в один узел. Ведь за распространение запрещенного заклинания ему может грозить смерть. И кто бы мог подумать, что сейчас Великим домам противостоит простая человеческая колдунья Кара, желающая обрести бессмертие...

Отец Алексей из Забытой Пустыни обращается к комиссару Темного Двора Сантьяге с жалобой на неизвестного вампира, убившего человека. В это же время бизнесмен Куприянов влюбляется в таинственную незнакомку по имени Анна, а у его жены и любовницы начинаются страшные галлюцинации...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

978-5-04-098739-9

© Панов В., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

АТАКА ПО ПРАВИЛАМ

ПРОЛОГ

Москва, 1934 год

Этой ночью выпал первый снег. Еще совсем слабый, осторожный, он, словно опытный художник, лишь сделал тонкие наброски, только обозначил предстоящий триумф зимнего шедевра. Белая вуаль нежной дымкой окутала серые московские мостовые, скользнула по молчаливым домам и ласково обняла еще зеленые деревья и газоны. Первый снег в городе обречен. Не пройдет и нескольких часов, как от элегантного эскиза останутся только серые подтеки и грязные лужи, вызывающие отвращение у кутающихся в теплую одежду прохожих. Он красив лишь робкие мгновения, но даже сейчас, пока первый снег еще мог радовать глаз и не превратился в растаявшее недоразумение, собравшиеся люди не обращали внимания на его мимолетное изящество.

Гораздо больше их занимало другое.

— Да не посмеют они! — горячился бородатый однорукий мужик в застиранной гимнастерке. — Поглумятся и бросят!

— Красоту такую переводить — грех! — согласился с инвалидом плешивый старичок.

— Да им-то, безбожникам, что? — подала голос пожилая женщина в цветастом платке. — Они греха не боятся.

— И то верно! — неожиданно громко поддакнул испитой дворник. — От креста их воротит, авторитетно говорю!

— Тише ты! — одернула его дородная жена. — А то еще услышат!

— И пусть слышат!

— За такие разговоры запросто на Соловках сгноят, — покачал головой плешивый старичок. — Не надо бы так громко.

— Пусть слышат! — не унимался дворник, несмотря на протестующие жесты жены. — Пусть слышат, безбожники!

— Жить, что ли, надоело?

— Уймись, Потапыч, у них сейчас сила. У них...

У них... Сейчас. Пока.

Разговор затих, и все посмотрели на гордо взметнувшуюся к серому осеннему небу Сухареву башню, окруженную плотным кольцом энкавэдэшников. Одинаковая синяя форма, почти одинаковый рост, одинаковая поза: ноги расставлены на ширину плеч, винтовки с примкнутыми штыками направлены на людей — делали синих почти нереальными. Казалось, что тот же художник, который украсил Москву первым снегом, взял и набросал шеренгу одинаковых столбиков вокруг красавицы башни, то ли забор хотел нарисовать, то ли просто вытирал кисти. И еще казалось, что вот-вот растают синие звери, как этот первый снег, и грязью лягут под ноги москвичей, но это только казалось. Энкавэдэшники не таяли, а та дикая ненависть, которая выбивалась в сторону людей из-под натянутых на узкие лбы фуражек, лучше всего свидетельствовала об их реальности. Правда, и ответные взгляды, которыми награждали синих москвичи, были лишены доброжелательности.

— Почто Сухареву башню под арест взяли? — поинтересовался у толпы слегка нетрезвый работяга, судя по всему грузчик. — Иль о коммунаках чего не так сказала?

Ему не ответили, но вопрос витал в воздухе.

Что же они задумали?

— А закончилось все тем, что Торговая Гильдия выставила Ордену счет за порчу груза и требует с нас компенсацию, — высокий, затянутый в военную форму старик с карими миндалевидными глазами выдержал паузу. — Не правда ли, наглецы?

Старик был Фредерик де Лье, мастер войны, высший боевой маг Великого Дома Чудь, а его рассказ был в первую очередь обращен к красавице Сусанне. Очаровательная фата Зеленого Дома, одетая в простую черную юбку и кожаную тужурку, стянутую на тонкой талии ремнем, вежливо улыбнулась в ответ. Голова Сусанны была перехвачена красной косынкой, которая скрывала роскошные светлые волосы, но зато выгодно оттеняла нежное лицо, тонкие черты которого напоминали мордочку маленького смешливого лисенка. Сусанна была молода — всего тридцать пять лет, что по меркам Великого Дома Людь самое начало расцвета, — а уже достигла магического уровня фаты, занимала видное положение при дворе и была отмечена королевой.

Очаровательной, похожей на лисичку колдунье предсказывали большое будущее.

— Уверена, что вы сумеете отстаивать интересы Великого Дома, Фредерик. — Лучистые зеленые глаза Сусанны скользнули по магу и переместились на третьего собеседника: — А вы что скажете, комиссар? Ведь шасы — ваши подданные.

— Темный Двор уже три тысячи лет отказывается от сопровождения караванов Гильдии, с тех пор как шасы попытались стребовать с нас убытки за погибшее во время шторма судно. Мы до сих пор спорим с Гильдией, пытаюсь выяснить, кто виноват в той истории.

Третий и последний участник разговора — высокий мужчина в элегантном сером костюме — резко выделялся не только среди своих собеседников, но и вообще среди всех, кто в этот час находился на Сухаревке. Аккуратно зачесанные черные волосы, чеканный профиль, черные, глубоко посаженные глаза, независимые манеры и удивительная свобода, которая сквозила в каждом его движении, притягивали внимание окружающих. Высокий вызывал в памяти забытое при коммунистах буржуазное слово «денди», и даже его автомобиль — единственное на всю Москву причудливо изогнутое спортивное купе — показывал, что черноволосый плевать хотел на принятую в империи серость. Сантьяга, комиссар Темного Двора, высший боевой маг Великого Дома Навь, даже в мыслях не допускал отказа от привычек, выработанных за тысячи лет до возникновения коммунизма.

— Скажите, комиссар, — снова обратилась к нему Сусанна, — вы действительно верите в эти истории о Сухаревой башне?

— В какие именно, очаровательная фата? — улыбнулся в ответ Сантьяга. — Вы позволите мне так называть вас?

— Позволю. — Огромные ярко-зеленые глаза Сусанны скользнули по лицу нава.

Комиссар Темного Двора не пользовался особой любовью в Тайном Городе. В других Великих Домах его уважали, боялись, ненавидели, и теперь, впервые столкнувшись лицом к лицу с Сантьягой, молодая фата неожиданно для себя подумала, что все услышанное ею о легендарном комиссаре до сих пор не очень-то соответствует тому, что она увидела. Интеллигентный и остроумный Сантьяга был совсем не похож на средоточие зла.

— Думаю, мне будет приятно подобное обращение.

— Благодарю, — кивнул нав. — Так каким именно слухам я должен действительно верить, очаровательная фата?

— О Черной Книге, например.

— Но мы же здесь, — комиссар снова улыбнулся. — Слухи это или нет, но, когда я сообщил, что сумел убедить коммунистов сломать башню, все Великие Дома прислали сюда своих наблюдателей.

— История научила нас внимательно относиться к слухам, — задумчиво произнесла Сусанна, — но есть ли под этими разговорами о Черной Книге реальная почва? Признаться, мне не верится, что среди чело­в могут обнаружиться серьезные колдуны.

— И правильно не верится, — проворчал де Лье. Старого мага немного обижал тот факт, что, несмотря на все его усилия, красавица фата уделяет больше внимания долговязому наву. — Челы никогда не достигнут приличного магического уровня. С каждым днем они все дальше и дальше уходят от своих корней. Их цивилизация идет по другому пути.

— Я бы не был столь категоричен, — мягко не согласился с чудом комиссар. — Появление отдельных магов, даже высокого уровня, никак не связано с основным направлением развития цивилизации, как вы правильно заметили, у них есть соответствующие корни, и пример Якова Брюса подтверждает эту гипотезу. Но сейчас мы говорим о другом: о знаниях, которые были доступны челам в прошлом. Мы до сих пор не можем найти спрятанную ими библиотеку Иоанна Грозного, а ведь считается, что в ней содержатся труды асуров, самых первых обитателей Земли.

— А как Черная Книга связана с библиотекой Иоанна Грозного? — спросила фата.

— Князь Темного Двора считает, что Черная Книга, которую Шотландец спрятал в Сухаревой башне, содержит ключевые знания библиотеки.

— То есть вы уверены, что Черная Книга существует?

— Я в этом убежден, очаровательная фата.

— Все это бездоказательно, — снова встрял в разговор де Лье.

— Одно доказательство есть.

— Какое?

— Ни вы, мой старый враг, ни наша очаровательная спутница, — Сантьяга элегантно склонился в сторону фаты, — ни я и вообще ни один обитатель Тайного Города, включая князя, ко-

ролеву и великого магистра, не может войти в Сухареву башню. С этим, Фредерик, вы, разумеется, не поспорите. Мы даже не способны понять, какая именно сила вышвыривает нас оттуда. А если вспомнить, что ни внутрь башни, ни из нее невозможно сделать портал, то все это, знаете ли, заставляет относиться к чела́м с несколько большим уважением.

— Уникальный факт, — махнул руками чуд.

— А вы как думаете, Сусанна?

— Некоторые строения Тайного Города до сих пор вызывают у нас удивление, — медленно ответила фата, — Дегунинский Оракул, например. Возможно, Сухарева башня была заложена еще асурами и...

Сталкиваясь с необъяснимыми фактами, большая часть обитателей Тайного Города шла по давно проторенной дорожке — сваливала все странное на головы его строителей.

— Асуры не имели ни малейшего отношения к возведению башни, — покачал головой комиссар и поднял глаза, любуясь величавой красавицей. — Она — творение челов, от фундамента до шпиля. Она была создана чела́ми для челов, и поэтому сломать ее могут только челы. — Сантьяга оглянулся и повелительно окликнул стоящего на почтительном удалении кривоногого энкавэдэшника: — Эй, вот вы, коммунист, подойдите сюда.

— Слушаюсь, товарищ начальник!

Вызванный коммунист не знал, кем именно является фронт в щегольском штатском костюме, но ему велели беспрекословно подчиняться, и он, подбежав и вытянувшись во фронт, преданно вытарачил на Сантьягу глаза.

— Фамилия?

— Перзамкомоткаркавкрполэнкавэдэ Полубезрыбенко!

В переводе на русский это сочетание букв означало, что стоящий перед комиссаром вояка служит первым заместителем командира отдельного карательного кавалерийского краснознаменного полка НКВД. Коммунисты отменили армейские звания и, обращаясь друг к другу, называли должность собеседника или употребляли словечко «товарищ». И то и другое вызывало у нава легкое раздражение.

— Как идет работа, коммунист?

— Рабочие ломают перекрытия на верхних этажах башни, товарищ начальник! — бойко отрапортовал Полубезрыбенко. — Как нам и было приказано, мы разбираем строительный мусор на

самые маленькие камешки на предмет поиска тайников с сокрытыми буржуазией ценностями!

— Какие именно ценности вы ищете?

— Шкатулки, ящики, сундуки, а также книги или отдельные документы! — заученно перечислил перзамкомоткаркавказполэнкавздэ. — Все, что не относится к строительному мусору, будет доставлено для осмотра.

— Я доволен вами, коммунист, — милостиво кивнул Сантьяга, — продолжайте.

Полубезрыбенко козырнул и откатился на прежнее расстояние от начальства.

— Грамотный солдат, — одобрил де Лье.

— Просто хорошая дрессировка, — кисло улыбнулся комиссар. — Не сомневаюсь, что они притащат нам целую кучу никчемного барахла.

— Значит, вы тоже в душе считаете, что мы зря теряем время? — опять затянул свою песню мастер войны и мстительно добавил: — И Темный Двор напрасно оплатил коммунистам снос Сухаревой башни.

— Но, как я понимаю, дело было не только в деньгах, — подхватила тему фата Сусанна. — Комиссар, как вы сумели уговорить челоовских вождей разрушить башню?

— Учитывая поразительные, прямо-таки потрясающие презрение и ненависть, которые испытывают коммунисты к своему прошлому, это было не очень сложно, — махнул рукой Сантьяга. — С предыдущим режимом мы бы ни за что не договорились.

— Да, челы челам рознь, — кивнула красавица фата.

— Вы думаете, коммунистов можно назвать челами? — поинтересовался комиссар.

— Эрлийцы проводили вскрытие — они уверяют, что внутреннее строение коммуниста в целом совпадает со строением обычного чела, — сообщил Фредерик де Лье. — Правда, они не проводили детального исследования мозга.

— Это примитивно, — сморщила носик Сусанна. — Сантьяга имел в виду совсем другое.

— Совершенно верно, очаровательная фата, — подтвердил комиссар. — Согласитесь, Фредерик, что сложно назвать челом существо, которому противны все принципы морали и этики, сложившиеся в обществе. Существо, отрицающее любой опыт, любые запреты и любые законы. Существо, гордящееся своей

ненавистью ко всем остальным и вызывающее ненависть у всех окружающих, включая и товарищей по стаду.

— Тогда почему челы попали под иго этих существ? Разве управляют не умнейшие?

— Управляют или умнейшие, или сильнейшие. Мы с вами видели достаточно обществ, построенных на ненависти. Здесь — то же самое. Та дикая жестокость, которую проявили коммунисты, завоевывая власть, сделала свое дело.

— На штыках нельзя усидеть.

— Правильно, но они и не собираются сидеть, идея режима — непрерывное насилие. Кто не с нами, тот против нас. Сначала они уничтожили своих врагов, затем мыслящих людей, затем людей с чувством собственного достоинства. Лишенный цвета нации народ изменяется, деградирует, пытается смягчить непрерывный террор рабским повинованием. Это инстинкт самосохранения. Сидеть на штыках невозможно, нужно непрерывно использовать эти штыки, и тогда остается шанс. Главное для коммунистов — продержаться как можно дольше, чтобы успеть истребить наиболее активную часть населения.

— Думаете, это легко?

— Время покажет. Или коммунистам удастся их план, или через некоторое время их будут вешать на фонарных столбах.

— Кажется, к нам гость, — буркнул де Лье.

Сантьяга повернулся и небрежно махнул рукой:

— Ничего страшного, Фредерик, это Каганович, городской бонза. По нашему соглашению он осуществляет идеологическое прикрытие проекта и должен здесь засветиться.

— А зачем вам потребовалось идеологическое прикрытие? — удивилась фата Сусанна.

Комиссар поморщился:

— Темный Двор не собирается отвечать перед человеческими потомками за снос башни. Пусть они проклинают тех, кому мы заплатили.

— Далеко смотрите, — заметил де Лье. — Пока еще челы и понятия не имеют о существовании Темного Двора. И вообще Тайного Города.

— Неважно, — серьезно ответил Сантьяга. — Когда-нибудь это изменится.

К окруженной синими башне подъехал длинный блестящий автомобиль, подножки которого облепили рослые телохранители.

ли. Как только автомобиль остановился, из сопровождавших его машин повыскакивали дополнительные охранники и тесным строем опоясали выбравшегося из лимузина усатенького человечка. Резервный взвод энкавэдэшников, парившийся до появления Кагановича у грузовиков, быстро образовал вокруг вождя второе кольцо, надежно защитив его усатенькое тельце от любящих горожан. Сантьяга презрительно ухмыльнулся:

— Яркий пример того, о чем мы только что говорили, Фредерик. Взяв за основу идеологию насилия, коммунисты построили общество, в котором не могут доверять даже друг другу. Смотрите: от людей Кагановича охраняют энкавэдэшники, но еще одна банда, особо приближенных телохранителей, защищает его от энкавэдэшников, поскольку среди них может оказаться убийца, посланный соратником по партии.

— Инстинкт самосохранения, — передернула плечиками Суанна.

— Сильно развитый, — подтвердил комиссар. — Но строить цивилизацию на инстинктах все-таки нонсенс.

— Вы правы.

— Это еще цветочки, — подал голос мастер войны. — Я знаю одного коммуниста, Якира, так он доверяет только китайским наемникам. Они по-русски ни бельмеса, вот он и думает, что узкоглазые не смогут договориться с кем-либо из его врагов.

— Разрешите доложить?

Собеседники обернулись.

— За последние пять минут магической активности вокруг башни замечено не было, — сообщил Франц де Гир, широкоплечий рыжеволосый мужчина в армейской форме. По слухам этот умелый и талантливый рыцарь командор должен был сменить Фредерика де Лье на посту мастера войны. — Ни единого всплеска.

— Продолжайте обходы по периметру, Франц, — приказал Сантьяга. По молчаливому согласию всех Великих Домов он осуществлял общее руководство на правах инициатора проекта. — Фиксируйте любой, даже самый незначительный всплеск энергии. Ортега, вы еще не устали?

Нав, входящий в патруль, отрицательно покачал головой — он непрерывно прощупывал окружающее пространство и не мог отвлекаться на разговоры.

— Еще раз, Франц, — напомнил Фредерик, — любой колдун, проявивший активность вблизи башни, должен быть остановлен и арестован.

Это наставление звучало каждый раз, когда патруль проходил мимо руководителей операции, и каждый раз рыцарь командор реагировал одинаково:

— Я понял, мастер войны, разрешите продолжить патрулирование?

— Разрешаю.

— Ты бы не глазела так, красавица, — негромко произнес однорукий мужчина в потертой гимнастерке, — они этого страсть как не любят.

— Да я и не глазею. — Кара поправила платок и улыбнулась инвалиду: — А почто они вокруг дома выстроились?

— Дома... — передразнил ее однорукий. — Ты откуда взялась, красавица?

— Тверские мы, в домработницах тута служим. — Отправляясь на Сухаревку, Кара постаралась как можно сильнее изменить свою внешность и теперь, одетая в простенький теплый платок, широкую юбку и бесформенное пальто, легко могла сойти за безграмотную провинциальную молодуху. — Уже неделю как служим у товарищей Марципанских, на Рождественке.

— Тута служим, — инвалид вздохнул и с неожиданной ловкостью свернул себе самокрутку. — Не дом это, темнота ты тверская, а башня наша знаменитая. Сухарева башня.

— Чем же она знаменита? — Кара могла рассказать историю башни гораздо лучше мужика, но роль приходилось играть до конца.

— Петр Первый ее построил. — Мужик глубоко затынулся и выпустил струю едкого вонючего дыма. — Москву царь-батюшка не любил, а красавицу эту здесь построил и колдуна в ней поселил...

— Колдуна-а? — протянула Кара.

— Колдуна, — строго кивнул инвалид. — Шотландца-звездочета. И крепко-накрепко ему приказал защищать землю от напасти всякой...

— Сказки ты рассказываешь, — обернулся к однорукому плешивый старичок. — Шотландец твой, Яшка Брюс, с нечистым снюхался. Потому и жил в Москве, а не в Санкт-Петербурге. А царю служил, чтобы грехи свои замолить. Башня тюрьмой ему была, а